

№ 510 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

17. О страховой деятельности [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 25 авг. 2006 г., № 530 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

18. О некоторых мерах по реализации Указа Президента Республики Беларусь от 9 января 2006 г. № 15 [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 27 марта 2006 г., № 406 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

19. О некоторых мерах по реализации Указа Президента Республики Беларусь от 28 февраля 2008 г. № 140 [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 14 марта 2008 г., № 386 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

20. О нормативных правовых актах Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 10 янв. 2000 г., № 361-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

ЗАЩИТА ПРАВ ПРАВООБЛАДАТЕЛЯ И ДОБРОСОВЕСТНОГО ПРИОБРЕТАТЕЛЯ ПРИ ПРИЗНАНИИ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНЫМИ ДОГОВОРОВ ОТЧУЖДЕНИЯ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОГО ПРАВА

Иванова Д. В.

В практике рассмотрения споров в сфере интеллектуальной собственности возникают различные вопросы, связанные с защитой прав и интересов правообладателей, а также иных лиц, которые добросовестно приобрели исключительное право на спорный объект патентного права или товарный знак. В частности, известны случаи, когда на основании нескольких договоров отчуждения исключительное право на товарный знак или объект патентного права перешло третьему лицу, однако впоследствии первый из договоров уступки признан недействительным по какому-либо основанию. Третье лицо при заключении последней из сделок полагалось на сведения государственного реестра и не имело оснований сомневаться в том, что исключительное право не принадлежит тому субъекту, которое его отчуждает.

В названной ситуации затрагиваются права и интересы как действительного правообладателя, так и добросовестного приобретателя исключительного права на объект интеллектуальной собственности. По поводу того, каким образом может быть восстановлено исключительное право правообладателя, а также приняты во внимание интересы добросовестного приобретателя, существуют раз-

личные точки зрения, получившие отражение в судебной практике разрешения таких споров. Отметим, что действующее законодательство Республики Беларусь об интеллектуальной собственности не содержит положений, которые однозначно разрешают возникающий при этом спор.

В подобной ситуации предложено применять один из следующих способов защиты права:

- признание всех совершенных сделок недействительными и применение реституции;

- признание права;

- применение виндикации по аналогии закона.

Рассмотрим каждый из предложенных способов.

Первый вариант – признание недействительными всех сделок, образовавших цепочку от правообладателя до добросовестного приобретателя. Признавая одну за другой сделки недействительными, суд фактически приходит к тому, что исключительное право принадлежит «первому» правообладателю. Следствием такого решения будет также установление того, что исключительное право не переходило к третьим лицам вообще, поскольку недействительная сделка недействительна с момента ее совершения и не влечет юридических последствий, за исключением тех, которые связаны с ее недействительностью (п. 1 ст. 168 ГК Республики Беларусь [1]).

Внесение изменений в Государственный реестр товарных знаков или Государственный реестр изобретений, или Государственный реестр полезных моделей, или Государственный реестр промышленных образцов соответственно (далее – государственный реестр) происходит на основании не просто решения суда о признании сделки недействительной, а решения с применением реституции. Допущение возможности внесения изменений в государственный реестр без применения судом реституции приведет к ущемлению интересов третьих лиц, к которым относится и добросовестный приобретатель. В Российской Федерации подобную позицию относительно оснований внесения записи (изменений) Единого государственного реестра прав на недвижимое имущество высказали Пленум Верховного Суда Российской Федерации и Пленум Высшего Арбитражного Суд Российской Федерации в п. 52 совместного постановления от 29 апреля 2010 г. № 10/22 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» [2].

Однако возможность применения реституции подвергается сомнению. Так, о нежелательности и прекращении практики «веерной» реституции в связи с ее «зловредностью» говорит российский специалист доктор юридических наук С. В. Сарбаш [3, с. 15–17]. В постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 21 апреля 2003 г. № 6-П применительно к защите вещных прав указано, что права лица, считающего себя собственником имущества, не подлежат защите путем удовлетворения иска к добросовестному приобретателю с использованием правового механизма, установленного п. 1 и п. 2 ст. 167 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [4]. В противном случае нарушались бы права и законные интересы добросовестного приобретателя. Признаем данный вывод справедливым и для Республики Беларусь. Из ст. 169 ГК (ст. 168 ГК РФ), согласно которой сделка, не соответствующая требованиям законодательства, ничтожна, если законодательный акт не устанавливает, что такая сделка оспорима или не предусматривает иных последствий нарушения, следует, что на сделку, совершенную с нарушением законодательства, не распространяются общие положения о последствиях недействительности сделки, если сам законодательный акт предусматривает «иные последствия» такого нарушения. Системный подход к толкованию норм ГК позволяет говорить о том, что поскольку добросовестное приобретение в смысле ст. 283 ГК возможно только тогда, когда имущество приобретается не непосредственно у собственника, а у лица, которое не имело права отчуждать это имущество, последствием сделки, совершенной с таким нарушением, является не двусторонняя реституция, а виндикация. Следовательно, права лица, считающего себя собственником имущества, не подлежат защите путем удовлетворения иска к добросовестному приобретателю с использованием способа признания сделки недействительной и применения реституции. Такая защита возможна лишь путем удовлетворения виндикационного иска, если для этого имеются те предусмотренные ст. 283 ГК основания, которые дают право истребовать имущество и у добросовестного приобретателя (безвозмездность приобретения имущества добросовестным приобретателем, выбытие имущества из владения собственника помимо его воли и др.).

Иное истолкование положений ст. 168 и ст. 169 ГК означало бы, что собственник имеет возможность прибегнуть к такому способу защиты как признание всех совершенных сделок по отчуждению его имущества недействительными, т.е. требовать возврата полученного в на-

туре не только когда речь идет об одной (первой) сделке, совершенной с нарушением закона, но и когда спорное имущество было приобретено добросовестным приобретателем на основании последующих (второй, третьей, четвертой и т. д.) сделок. Тем самым нарушались бы вытекающие из Конституции установленные законодателем гарантии защиты прав и законных интересов добросовестного приобретателя. В условиях действия принципа равенства участников гражданских отношений прежний правообладатель и добросовестный приобретатель имеют право без всякой дискриминации на равную защиту их прав и законных интересов. Кроме того, правообладатель, утративший имущество, обладает иными предусмотренными законодательством средствами защиты своих прав [5].

Второй вариант, анализируемый практикой, – признание права – требование, заявляемое правообладателем к лицу, которое отрицает или оспаривает его исключительное право (ст. 11 ГК). Основным аргументом в пользу применения данного способа защиты служит то, что фактически правообладателю не нужно возвращать себе фактическое владение имуществом в связи с нематериальной природой объектов интеллектуальной собственности. Удовлетворение заявленного требования о признании за ним исключительного права станет основанием для внесения в государственный реестр. Таким образом, интерес правообладателя получит надлежащую защиту, и положение будет восстановлено. Однако способ «признание права» абсолютно не направлен на исследование и защиту интересов добросовестного приобретателя, который в таком случае при любых обстоятельствах остается у «разбитого корыта».

Третий вариант – применение по аналогии виндикации (ст. 282, ст. 283 ГК). Виндикация – единственный способ защиты права собственности и других вещных прав, который учитывает также интересы добросовестного приобретателя. Применению виндикации в качестве непосредственного способа защиты исключительного права препятствует то, что положения раздела II ГК «Право собственности и другие вещные права» к отношениям интеллектуальной собственности не применяются. Общеизвестно, что объектом виндикации может быть только индивидуально-определенная вещь, существующая в натуре. А сам по себе виндикационный иск еще со времен римского частного права имеет целью в первую очередь возврат собственнику физического владения объектом, который носит материальную природу. Соответственно сконструирован этот

иск как «истребование имущества из чужого незаконного владения». Владение не является правомочием исключительного права правообладателя, и возврат этого владения для результатов интеллектуальной деятельности невозможен. Цель правообладателя – возврат ему имущественного права, выражающийся в фиксировании принадлежности этого права в соответствующем государственном реестре. Тем не менее, обсуждение возможности применения норм о виндикации к рассматриваемым отношениям продолжается [6].

В практике Российской Федерации соответствующая статья о виндикации – ст. 302 ГК РФ – получила применение не только в случаях защиты вещных прав. Например, она использовалась для защиты прав добросовестных приобретателей акций и долей (постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 17 ноября 2009 г. № 11458/09 [7]), добросовестных залогодержателей (постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 26 июля 2011 г. № 2763/11 [8]).

Развернувшаяся при этом дискуссия среди ученых и практиков, а также богатая судебная практика позволяет нам рассмотреть аргументы сторонников и противников применения виндикации к специфическим отношениям, не являющимся вещными. Так, в практике арбитражных судов появились решения, где виндицировались бездокументарные ценные бумаги от добросовестных приобретателей в пользу их прежних владельцев в случае незаконного списания акций с лицевого счета или со счета депо участника акционерного общества и зачислении их на счет третьего лица. Практика судов была поддержана специалистами [9].

Чтобы обосновать возможность применения виндикации, ее сторонники опирались, во-первых, на Федеральный закон от 22 апреля 1996 г. «О рынке ценных бумаг» (ст. 2), где сказано, что владелец любой ценной бумаги – это лицо, которому ценная бумага принадлежит на праве собственности или ином вещном праве [10; 11; 12]. В частности, В. И. Добровольский указал на эффективность виндикации как способа защиты прав владельцев бездокументарных ценных бумаг «пусть даже не в классическом понимании данной дефиниции» [11, с. 153]. Для применения виндикации бумаги должны в достаточной степени индивидуализироваться и идентифицироваться [13, с. 92; 14, с. 72–73; 15, с. 38].

С другой стороны, невозможность виндикации в отношении бездокументарных ценных бумаг обосновывалась тем, что они не

являются вещами, а представляют собой зафиксированные имущественные права требования [16; 17, с. 12–13; 18; 19]. По мнению А. О. Рыбалова, «бездокументарные ценные бумаги не являются в строгом смысле ценными бумагами». «Способ фиксации права не может обладать ни вещной, ни обязательственной природой. Отсюда следует и невозможность виндикации бездокументарной ценной бумаги: правообладатель просто не обладает объектом, подлежащим виндикации» [20, с. 48, 57]. Для защиты можно использовать признание права, восстановление положения, существовавшего до нарушения, взыскание убытков, но не виндикацию.

Профессор В. А. Белов не придает также значения индивидуализации бездокументарных ценных бумаг и полагает, что в процессе их перехода от одного субъекта к другому они обезличиваются, и виндикация невозможна даже по этой причине. «Они не могут быть не только предметом виндикации, но и вовсе не должны рассматриваться в качестве объектов абсолютных гражданских правоотношений» [18, с. 92]. По мнению С. В. Сарбаша, возможность виндикации бездокументарных акций и долей обоснованно подвергнута критике, «поскольку последние не являются вещами, не могут находиться в составе имущества правообладателя на праве собственности, а потому защита нарушенного права не может осуществляться на основании ст. 301–303 ГК РФ». «Поэтому говорить о виндикации бездокументарных ценных бумаг, равно как и долей в уставном капитале общества, юридически некорректно» [21, с. 73].

В ходе дискуссии о защите прав на бездокументарные ценные бумаги было также предложено разработать новый способ защиты, который приведет как к решению проблемы, так и положит конец разногласиям среди специалистов [22, с. 95]. По мнению Г. Н. Шевченко, средство защиты может быть построено на принципах виндикационного требования, но учитывающего специфику бездокументарных ценных бумаг и перехода прав на них [23, с. 27]. Сходную позицию занял В. Бородкин [24]. Концепцию сопоставимости фактических обстоятельств и правовых позиций спорящих сторон для разрешения споров по поводу бездокументарных ценных бумаг предложил К. К. Лебедев. Фактически его концепция заключается в применении норм о виндикации по аналогии [25, с. 113–116]. На основе практики арбитражных судов С. В. Сарбаш обосновал, что способ защиты уже существует под названием «восстановление корпоративного контроля». Необходимо только завершить доктри-

нальную разработку, а также законодательное закрепление данного способа защиты прав субъектов [21, с. 78–79].

После внесения изменений в соответствующее законодательство с закреплением специальных механизмов защиты необходимость в применении виндикации отпала. Специальный способ защиты нарушенных прав правообладателей без сомнений сконструирован по образцу виндикационного требования с учетом особенностей объекта – бездокументарных ценных бумаг (ст. 149.3, ст. 149.4 ГК РФ).

Возвращаясь к проблеме защиты прав патентообладателя или владельца товарного знака, можно обратить внимание на следующее.

Проблемы индивидуализации и идентификации исключительно права на изобретение или товарный знак в отличие от бездокументарных ценных бумаг, способность к виндикации которых рассматривалась выше, не существует. Однако, на наш взгляд, применение виндикации к отношениям по поводу исключительных прав противоречит существу последних. Виндикация направлена на прекращение незаконного «физического» владения над истребуемым имуществом. Удовлетворение виндикационного требования имеет целью защиту абсолютного права, когда достаточно возврата физического владения вещью к ее действительному собственнику. Исключительное право (объект исключительного права) не находится и не может находиться во «владении» субъекта права – правообладателя, равным образом и во «владении» иного субъекта. Поскольку возможность такого владения в отношении результатов интеллектуальной деятельности, включая средства индивидуализации, и прав на них исключается, то удовлетворение виндикационного иска не может привести к защите (восстановлению) исключительного права истца.

Применение института виндикации по аналогии (ст. 5 ГК) к отношениям по поводу исключительных прав, на наш взгляд, невозможно по следующим причинам. Не соблюдены условия, при наличии которых применяется аналогия закона. Аналогия закона применяется только в крайнем случае, поскольку является менее удачным образцом гражданско-правового регулирования в связи с предназначением рассматриваемой нормы для регулирования все же иных общественных отношений. Сфера применения аналогии значительно сужена в настоящее время, поскольку гражданское законодательство представляется достаточно развитым и разработанным.

Согласно п. 1 ст. 5 ГК аналогия закона применяется, во-первых, в случаях, когда общественные отношения, входящие в предмет

гражданского права, прямо не урегулированы законодательством или соглашением сторон и отсутствует применимый к ним обычай. Правообладатель имеет возможность выбрать из перечня способов защиты один или даже несколько и обратиться к суду. Говорить о том, что данные общественные отношения не урегулированы прямо гражданским законодательством оснований нет.

Не считаем также соблюденными и следующие два условия применения аналогии закона. Аналогия закона требует, чтобы применяемое гражданское законодательство не противоречило существу отношений, к которым оно применяется. Кроме того, применяемое по аналогии гражданское законодательство должно регулировать сходные отношения. Категории «противоречие существу отношений» и «сходные отношения» оцениваются индивидуально в каждом случае возникновения вопроса о применении аналогии закона.

Таким образом, ни один из рассмотренных способов защиты прав правообладателя и добросовестного приобретателя не отвечает требованиям юридически корректного и практически эффективного. Конституционные принципы свободы экономической деятельности и свободного перемещения товаров, услуг и финансовых средств предполагают наличие надлежащих гарантий стабильности, предсказуемости и надежности гражданского оборота, которые не противоречили бы индивидуальным, коллективным и публичным правам и законным интересам его участников. Поэтому регулирование оснований возникновения и прекращения права собственности и других вещных прав, договорных и иных обязательств, оснований и последствий недействительности сделок должно предусматривать такие способы и механизмы реализации имущественных прав, которые обеспечивали бы защиту не только собственникам, но и добросовестным приобретателям как участникам гражданского оборота. В дальнейшем было бы целесообразным предусмотреть в законодательстве специальные меры по защите прав как правообладателя, так и добросовестного приобретателя для подобных ситуаций.

Список цитированных источников

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г., № 218-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

2. О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав [Электрон-

ный ресурс] : постановление Пленума Верхов. Суда Российской Федерации и Пленума Высш. Арбитраж. Суда Российской Федерации, 29 апр. 2010 г., № 10/22 // Федер. арбитраж. суды Российской Федерации. – Режим доступа: http://arbitr.ru/as/pract/post_plenum/28318.html. – Дата доступа: 15.04.2018.

3. Сарбаш, С. В. Не задумал ли Верховный суд вернуть «верную» реституцию? / С. В. Сарбаш // Арбитраж. практика. – 2015. – № 8. – С. 12–21.

4. Гражданский кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федер. закон, 30 нояб. 1994 г., № 51-ФЗ // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2018.

5. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21 апреля 2003 г. № 6-П [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102088860&backlink=1&&nd=102081190>. – Дата доступа: 15.04.2018.

6. Сергеев, А. П. Применение правил о виндикации к разрешению споров по поводу товарных знаков / А. П. Сергеев // Закон. – 2017. – № 1. – С. 91–96.

7. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, 17 нояб. 2009 г., № 11458/09 // Вестн. Высш. Арбитраж. Суда Российской Федерации. – 2010. – № 2. – С. 146–148.

8. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, 26 июля 2011 г., № 2763/11 [Электронный ресурс] // Федер. арбитраж. суды Российской Федерации. – Режим доступа: http://www.arbitr.ru/bras.net/f.aspx?id_casedoc=1_1_29af02cd-99a9-4eb3-a19b-a54b5cf51d5d. – Дата доступа: 15.04.2018.

8. Практика рассмотрения коммерческих споров: анализ и комментарии постановлений пленума и обзора президиума высшего арбитражного суда Российской Федерации [Электронный ресурс] / под ред. Л. А. Новосёловой, М. А. Рожковой // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2018.

9. Дедов, Д. И. Юридический метод: научное эссе / Д. И. Дедов. – М. : Волтерс Клувер, 2008. – 160 с.

10. Добровольский, В. И. Применение корпоративного права: практическое руководство для корпоративного юриста / В. И. Добровольский. – М. : Волтерс Клувер, 2008. – 576 с.

11. Маковская, А. А. Правовые последствия виндикации акций (комментарий Постановления Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 5 сентября 2006 г. № 4375/06 / А. А. Маковская // Вестн. гражданского права. – 2007. – № 1. – С. 23–39.

12. Бушев, А. Ю. Виндикация бездокументарных ценных бумаг: теория и судебно-арбитражная практика / А. Ю. Бушев // Арбитраж. споры. – 2003. – № 2. – С. 98–109.

13. Бушев, А. Ю. Вещь и право требования: к вопросу о допустимости виндикации бездокументарных ценных бумаг / А. Ю. Бушев // Арбитраж. споры. – 2005. – № 1. – С. 59–74.

14. Анциферов, О. Д. Индивидуализация бездокументарных ценных бумаг / О. Д. Анциферов // Адвокат. – 2010. – № 7. – С. 38–41.

15. Гражданское право : учеб. : в 4 т. / МГУ им. М. В. Ломоносова ; В. В. Витрянский [и др.] ; отв. ред. Е. А. Суханов. – М. : Волтерс Клувер, 2005–2006. – Т. 2 : Вещное право. Наследственное право. Исключительные права. Личные неимущественные права. – 2005. – 496 с.

16. Белов, В. А. Бездокументарные ценные бумаги / В. А. Белов. – М. : АО «Центр-ЮрИнфоР», 2003. – 106 с.

17. Белов, В. А. К вопросу о так называемой виндикации бездокументарных ценных бумаг / В. А. Белов // Закон. – 2006. – № 7. – С. 86–93.
18. Тузов, Д. О. Теория недействительности сделок: опыт российского права в контексте европейской правовой традиции / Д. О. Тузов. – М.: Статут, 2007. – 602 с.
19. Рыбалов, А. О. О возможности виндикации бездокументарных ценных бумаг / А. О. Рыбалов // Арбитраж. споры. – 2005. – № 1. – С. 47–58.
20. Сарбаш, С. В. Восстановление корпоративного контроля / С. В. Сарбаш // Вестн. гражданского права. – 2008. – № 4. – С. 70–79.
21. Степанов, Д. И. О теории ценных бумаг в России и о теории понятий вообще. Размышления о востребованности догматических построений / Д. И. Степанов // Вестн. гражданского права. – 2010. – № 4. – С. 58–96.
22. Шевченко, Г. Н. Вещно-правовые способы защиты прав владельцев эмиссионных ценных бумаг / Г. Н. Шевченко // Законодательство и экономика. – 2005. – № 11. – С. 23–27.
23. Бородкин, В. Возможность применения виндикации к бездокументарным ценным бумагам [Электронный ресурс] / В. Бородкин // Закон.ru. Первая социальная сеть для юристов. – Режим доступа: https://zakon.ru/blog/2011/2/22/vozmozhnost_primeneniya_vindikacii_k_bezdokumentarnym_cennym_bumagam. – Дата доступа: 15.04.2018.
24. Лебедев, К. К. Защита прав обладателей бездокументарных ценных бумаг (материально- и процессуально-правовые аспекты разрешения споров, связанных с отчуждением бездокументарных ценных бумаг) / К. К. Лебедев. – М.: ВолтерсКлувер, 2007. – 167 с.

ЛИЦА С СЕМЕЙНЫМИ ОБЯЗАННОСТЯМИ В РОССИЙСКОМ ТРУДОВОМ ПРАВЕ

Корсаненкова Ю. Б.

В настоящее время отсутствие единой модели российской семьи, дифференциация форм семейной жизни, в основе которой лежат различные факторы, трансформация семейного порядка по мере его развития приводит к тому, что в правотворческой деятельности государства прослеживается тенденция отставания в реагировании на появление новых форм семейных отношений и новых типов семей.

Анализ ряда норм, устанавливающих трудовые права, гарантии, льготы женщинам и иным субъектам, которые закреплены в ст. 93, 128, 141, 169, 179, 261, 263, 264 Трудового кодекса Российской Федерации (далее – ТК РФ) [1], приводит к выводу о наличии проблем, затрудняющих их применение в связи с неопределенностью следующих правовых категорий: лица с семейными обязанностями, одинокая мать, член семьи, близкий родственник, кормилец, иждивенец. Представляется, что решение этих проблем кроется, прежде всего, в выработке и закреплении в трудовом законодательстве определения понятия «лица с семейными обязанностями».